

Мы должны создать тройственный союз СМИ, НГО и судей

Алексей СИМОНОВ, Фонд защиты гласности

Я начну с того, о чем говорил Марк Владимирович Рац, а именно с духовности, которая испытывает кризис, ибо почти никто не знает, что это такое. Странно, что это Вас смущает. Духовность потому и находится в кризисе, что никто Вам не может ответить на вопрос, что это такое. Это и есть кризис духовности. По-видимому, полноценное определение можно дать только тому, что не просто существует, а существует в развитой, зрелой форме. То же самое относится и к проблеме гражданского общества. Понятно, что никто не может дать исчерпывающего определения этому явлению, если его, как уверяют специалисты – и я с ними в какой-то степени согласен, – в России просто не существует. С другой стороны, мы – здесь присутствующие – почему-то друг друга находим. Может быть, как раз благодаря наличию элементов, рискну сказать, духовности, благодаря общности устремлений. Что-то же нас постоянно сводит вместе? Я думаю, не только желание поговорить на отвлеченные темы, но и стремление к практической реализации того, о чем мы говорим.

Я хотел бы поговорить именно о практической реализации идеалов гражданского общества, которое, по мысли Марка Владимировича Раца, является компонентой открытого общественного устройства. Мне представляется, что у СМИ и НГО, которые, по мысли организаторов конференции, являются двумя столпами строительства гражданского общества, должен быть третий союзник, а именно суд, без которого никакие попытки выстроить то, о чем мы говорим, невозможны. И хотя, как только я произношу слово "суд", у каждого из вас возникает некое ощущение безнадежности, а во рту оскомины, и хотя я полностью разделяю эти ваши ощущения, тем не менее никакого способа выстроить гражданское общество без опоры на суд нет и не может быть. Я берусь это утверждать, потому что мы каждый день с этим сталкиваемся на практике. А законодательная власть, спросите вы? Я совершенно готов примириться с тем, чтобы наша Дума продолжала бурлить по разным поводам, чтобы кипел возмущенный разум депутатов, чтобы они шли на смертный бой друг против друга. В общем-то, ничего особо вредного от этого не происходит.

Исполнительная власть по определению всегда оппонент и прессы, и неправительственных организаций, несмотря на то, что и мы, и они выдвигаем тезисы о необходимости более тесного сотрудничества между нами и ими. А вот суд для нас сейчас самое главное.

Потому что все наши проблемы так или иначе восходят к отсутствию правосудия. И если мы примем этот тезис, то у нас сразу возникнет огромное количество и проектов, и программ. Мы должны создать нормальный суд с нормальной атмосферой вокруг него. Потому что без этого все остальные наши действия практически неэффективны. Я говорю об этом так уверенно, потому что почти весь прошлый год мы потратили на проведение исследования "Масс-медиа и судебная власть". Мы подвергли контент-анализу полторы тысячи газетных публикаций из одиннадцати регионов России, мы провели опрос "300 журналистов о суде и судьях" и опрос "300 судей о журналистах и прессе". Фонд "Общественное мнение" по нашему заказу исследовал вопрос о том, как взаимоотношения между судами и журналистами отражаются на читателе, телезрителе, слушателе, то есть на гражданине. И, наконец, мы выбрали все, что связано в нашем мониторинге с прямыми конфликтами, в которых замешаны суд и пресса, включая случаи отказа журналистам в информации в суде, и судебные решения, где журналисты представляют одну из сторон конфликта. Причем следует иметь в виду, что на сегодняшний день более 50 процентов конфликтов с прессой (а у нас за 1996–1997 годы зарегистрировано более 1100 конфликтов) составляют иски о защите чести и достоинства, деловой репутации и т.д.

Выяснилось, что лишь девять процентов населения относится к суду с доверием. Возникают вопросы: "А как мы с вами будем строить гражданское общество, в котором население почти поголовно не доверяет суду? На чем строить-то будем? Где, как мы его будем создавать? Что же делать?". Да, мы подготовили и разослали книжку по результатам исследования, как обычно, прозвонили в колокольчик. Да, я буду об этом говорить на заседании Совета при Президенте по совершенствованию правосудия, куда входят председатель Верховного суда, председатель Арбитражного суда, председатель Конституционного суда. Всем им книжка уже роздана. Что дальше?

Я задаю этот вопрос и себе и вам. Нам всем должно быть предельно ясно, что если строительство гражданского общества без этой компоненты невозможно, значит, надо помочь суду стать опорой гражданского общества. Вот лишь один из множества аспектов этой проблематики. В каждом райотделе милиции имеется офицер по связям с общественностью. Ни у одного областного суда нет

не то что пресс–центра, нет даже пресс–секретаря. Единственный пресс–секретарь на все суды общей юрисдикции имеется у господина Лебедева Вячеслава Михайловича. Каким образом суд может стать открытым? Заинтересован ли в этом суд? Частично да, а частично нет. И так, первое направление, в котором мы могли бы участвовать и как СМИ, и как НГО, – это помочь суду открыться. Например, создать общественный пресс–центр при областном суде.

Конечно, не все судьи примут эту идею с восторгом. Но половина поддержит. В прошлом году, когда мы начинали это исследование, я выступал на совещании руководителей судейских квалификационных коллегий европейской территории России. Я себя чувствовал как певец во вражеском стане, где я не могу исполнить мелодию, которая была бы им понятна. Я потом долго, мучительно думал, то ли я разучился выступать, то ли судьи такой народ, что им нельзя эмоционально реагировать. В этом году мне вновь пришлось выступать на аналогичном совещании в городе Белгороде. И реакция была уже другой. Меня уже слышали. Дело сдвинулось. Это одно направление нашей деятельности – обеспечение открытости суда.

Второе направление – разрушение стереотипов в отношении суда. Все мы, и судьи в том числе, находимся в плену стереотипов. Помню, когда в 1988 году ваш покорный слуга в составе большой делегации российской интеллигенции – нас было 80 человек – впервые был допущен к поездке в Америку, то перед отъездом мы собрались в большом зале на Проспекте Мира, и наш руководитель Генрих Боровик сказал: "Есть одно задание партии – показать нашу открытость". И мы ее показали. Мы сели рядом с американцами и стали показывать друг другу фильмы и карикатуры, которые мы в период холодной войны друг на друга рисовали. Хохотали и те, и другие в полный голос. Счастье было неземное.

Как бороться со стереотипами, связанными с судами, или со стереотипами судей? Я, например, считаю, что очень полезным делом было бы инициирование, в том числе с участием местной администрации, элементарных экскурсий. Ни один судья не был в СМИ, он даже не знает, как делается газета или телепрограмма. Ну, может быть, один и был. А многие ли главные редакторы бывали в суде и знают, что это такое? Причем не в качестве истца или ответчика, а в качестве любознательного экскурсанта. Есть масса разных способов преодолеть отчуждение между населением и судом, между судьями и журналистами, и мы должны помогать снятию этого отчуждения. Я не говорю, что это панацея, и, тем не менее, я считаю, что это одно из очень перспективных и очень действенных направлений нашей будущей совместной деятельности.

М. Карелина:

– Я согласна с тем, что информационная открытость работы судебных органов и других структур, которые тем или иным образом связаны с правоохранительной деятельностью, но не имеют своих выходов на пресс–службы, является для регионов крайне актуальной проблемой. У нас, в Нижегородской области, где в последнее время постоянно происходят какие–то скандалы, вроде дела Климентьева, областной суд пришел к выводу о том, что ему надо каким–то образом из этой ситуации выходить. И они обратились к нам с просьбой, чтобы пресс–служба губернатора взяла на себя функцию представлять интересы суда и работать с журналистами.

Естественно, журналисты работают с судом, но судьям самим чисто психологически очень тяжело работать в журналистской аудитории. С одной стороны, судьи (и вообще структуры власти) далеко не всегда готовы к тому, чтобы быть открытыми. А с другой стороны, многие журналисты далеко не всегда понимают, что они работают в СМИ не для того, чтобы высказывать свое мнение в качестве истины в последней инстанции, а для того, чтобы удовлетворять некий общественный интерес. Поэтому мне понятна позиция многих судей, которые с высоты своего жизненного опыта и определенной профессиональной традиции не очень хотят общаться с журналистами. Они говорят на разных языках. Поэтому судьи обратились к нам с просьбой, чтобы мы оказывали содействие. И я считаю, что в этом есть определенный позитивный момент. Потому что, когда существуют некий отлаженный механизм работы спрессой, пресс–служба, которая умеет работать с журналистами, дело идет быстрее.

Мне кажется, что если нет возможности создавать общественные пресс–центры, то эти функции могли бы взять на себя пресс–службы администраций.

Т. Барышева:

– Мне кажется, что какого–то тесного взаимодействия между судами и прессой никогда не будет. Хотя бы потому, что СМИ, государственные или негосударственные, всегда пребывают в оппозиции к власти, а суды – это, естественно, представители власти, карательной части власти. Поэтому здесь искать какой–то взаимоприемлемый подход очень трудно.

Нельзя сбрасывать со счетов и реальную жизнь. У меня есть трехгодичный опыт судебного разбирательства с председателем коллегии судей республики Башкортостан. Это был очень тяжкий, длинный процесс, в который были втянуты и службы безопасности республики, и республиканская прокуратура, и российская прокуратура. Этот процесс еще раз показал, что ворон ворону глаз не выклюет. Как бы мы ни старались, какие бы нами ни двигали идеи борьбы за справедливость, мы не смогли отстоять свое право на справедливый суд. Кроме того, посмотрите сегодняшние законы. Уголовный кодекс России гласит одно, Закон "О СМИ" говорит по тому же поводу иное, а какой-нибудь закон о предпринимательстве интерпретирует эту же коллизию совсем по-другому. И дело даже не в том, что подобная разногласия дает лазейки для несправедливого суда. Просто у журналиста всегда остается сомнение в добросовестности или профессиональной компетентности судьи. Как же он может пропагандировать его светлый образ? Понятно, что разумный, толковый судья и хороший, умный журналист найдут общий язык и, исходя из здравого смысла, не доведут свое извечное единоборство до конфликта и абсурда, но ведь это бывает очень редко.

А. Симонов:

– Хотел бы возразить. Американских школьников спросили: "Что такое суд?". Американские школьники сказали: "Суд – это место, где выявляется истина". Американских школьников спросили: "Кто такой адвокат?". Они сказали: "Адвокат – это человек, который помогает другому человеку доказать, что он не виновен". И тогда решили провести такое же исследование среди русских школьников и спросили:

"Что такое суд?". "Суд – это место, где судят преступников", – сказали русские школьники. "А кто такой адвокат?" – спросили русских школьников. "Это человек, который преступникам помогает уйти от ответственности", – ответили они.

Мы все воспитывались в советской школе и сейчас это наглядно продемонстрировали.